

Понятие гендера у Платонова: метафоры женственности и сексуальности в произведениях 20—30-х годов*

Юн, Юн Сун**

1. Проблема гендера и революция

Известно, что понятие гендера относится как к женщине, так и к мужчине, подразумевая их роли не только как полового, но и как социального существа. Однако, ставя вопрос, приходится признать, что данная тема, в основном, относится к проблеме женского угнетения или неравной для женщины системе половой иерархии в обществе. Это происходит потому, что долгое время женщину считали неполноценным, «недоделанным»¹⁾ мужчиной существом, слабой половиной человечества, находящейся на краю мира, построенного мужчиной. Таким образом, несмотря на то, что понятие гендера принадлежит к обоим полам, все-таки интерпретацию этого понятия как социального явления, следует отнести к изменениям представлений о женщине и ее роли в обществе.

В отличие от других западных стран, где феминизм был выдвинут в социальное движение уже в Новом времени,²⁾ в России данная проблема

* В данной статье использованы материалы доклада "Platonov and Gender" на конференции EACSE 2010 (East Asian Conference for Slavic Eurasian Studies 2010) в Сеуле.

** 경북대학교 인문대학 노어노문학과 교수.

1) Это выражение относится к "Недоделанному" одному из персонажей романа «Чевенгур», который не имел имени и даты рождения, в результате не мог официально зарегистрироваться.

2) В новом времени, – как пишет Рита Фелски, – мужчина как субъект проекта

не привлекала к себе серьезного внимания до начала 20-го века. Причина этого кроется в том, что до середины 19-го века Россия была страной деспотического режима, в основе которого лежала строгая патриархальная иерархия, идея которой была основана в простой диохиомической схеме: «царь – народ, отец – дети», в этой схеме трудно было найти место для женщины-матери, поэтому, сама постановка вопроса о феминизме была не актуальна.

В таком контексте в России проблема гендера стала актуальной лишь в начале 20-го века, во время революции, т. к. задача коммунистов заключалась в том, чтобы уничтожить не только классовое, но и половое угнетение. Однако коммунисты подошли к этой проблеме с иной точки зрения чем феминисты: для коммунистов половое угнетение – это результат классового угнетения, поэтому классовое угнетение всегда предшествует половому. Исходя из такой логики, коммунисты надеялись на «спонтанное» исчезновение женского угнетения вместе с классовым угнетением. Например, Энгельс считал, что угнетение женщин исчезает только с ликвидацией классового и общественного разделения труда.³⁾ Об этом же говорит и известный тезис Клары Цеткин, что враг для буржуйских феминистов – это мужчина, а враг для пролетарских женщин – это капиталист. Значит, если ты пролетариат – то неважно кто ты – женщина или мужчина, потому что у них есть общий враг в лице

модернизации в процессе ее осуществления сам скатился в пропасть из-за противоречий самой идеи модерна. При этом мужчины старались найти выход, и нашли его именно в женственности, точнее, они заново открыли женственность, обратив внимание на понятие «материнство» как символ окончательной совокупности спасений этого мира. См. R. Felski(1995).

3) В марксистской экономической теории гендерная проблематика была впервые сформулирована в работе Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Текст этой работы из сайта: <http://www.marksizm.ru/site/Classic/family.htm>

«капиталиста». В России такие же мысли продолжала развивать Александра Колонтай. В статье «Новая женщина» она показала свой взгляд на "новую" женщину в новом обществе коммунизма. По мнению Колонтай, при коммунизме женщины должны служить классовым интересам, «новая женщина» рассматривается как самостоятельная личность, ее интересы не должны сводиться к дому, семье и любви.⁴⁾ Далее в таких художественных произведениях как: «Красная любовь» и «Сестры – Любовь трех поколений», Колонтай провозгласила эмансипацию женщин, свободу от мужчин, от капитализма, от лишних хлопот, домашних дел, даже от традиционной морали и любовных переживаний.⁵⁾ И это было важно, для того чтобы женщина стала полноправным членом нового общества и служила классовым интересам.

Таким образом, для коммунистов проблема полового неравенства была подчинена классовому угнетению, в результате проблему гендера нельзя отделить от процесса революции. Несомненно, многие женщины в России того времени, особенно работницы, веря логике Цеткин и Колонтай, активно участвовали в процессе революции, предполагая, что коммунизм принесет им свободу и полную половую эмансипацию. Таким образом, в России понятие гендера тесно связано было именно с революционной мыслью. Однако, неужели революция могла принести русским женщинам половую и классовую свободу? Начнем с этого принципиального вопроса. Как известно, революция принесла радикальное изменение представлений о женщине и ее роли в обществе. Как мечтали коммунисты о строительстве утопии в Советском Союзе, так и женщины, мечтая,

4) См.: Осипович Т. «Новая женщина» в беллетристике Александры Колонтай, http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_2_1994_b.htm

5) В начале 20-х годов лозунги свободной любви, «сексуальной революции» были активные(См.: выступления и статьи Колонтай), а к середине 20-х стали подвергаться осуждению. Об этом, см.: Е. Яблоков(2001), 179.

ожидали своего места, равного с мужчинами, в этом заново построенном мире. Однако, трудно было изменить сложившееся представление о низшей роли женщин, и даже товарищи по революции не воспринимали женщину своим спутником по революционной деятельности: осуществленная утопия не оказалась стойкой, и, на самом деле, никто иной, а именно мужчины-коммунисты-товарищи скептически отнеслись к тому, чтобы воспринимать женщин полноправными членами этого рая и по-прежнему отказывались от солидарности с женщинами.

Встает вопрос о том, как в 1920–40-х годах в Советском Союзе жилось женщинам в осуществленном коммунистическом рае, по какой причине мужчины отказались сосуществовать с женщинами в этом раю? И каким образом воспринималось новое представление о женщине? Мы можем найти один из ответов на заданные вопросы в творчестве Платонова, который сам являлся пролетарием-коммунистом, непосредственно писавшем о революции и коммунизме, и у которого отношение к женщине часто является прямо противоположным и двойственным. Через призму творчества Платонова мы попробуем выяснять отношение между коммунизмом и гендерской проблемой, сталинской утопией и женщиной.

2.1. «Мертвая душа» прошлой эпохи или «империализм в нижнем месте человека»

Понятие гендера является спорным и амбивалентным, как и многие другие проблемы в творчестве Платонова. В своих произведениях Платонов показал противоречивое, иногда даже полярное представление о женщине, о понятии пола и эроса, связанных с проблемой гендера. Из-за противоречий в творчестве некоторые исследователи относят произведения Платонова либо к строгому аскетизму или к религиозному

идеалу целомудрия,⁶⁾ либо – к проявлению скрытого либидо и подавленного полового желания автора. Например, с одной стороны, роман «Чевенгур»(1928), можно считать своего рода философским или идеологическим романом,⁷⁾ с другой – вполне можно воспринимать как целую метафору эротических воображений молодого писателя.⁸⁾ В этом контексте не были исключением и рассказы 30-х и 40-х годов, таких как: «Фро», «Река Потудань», «Возвращение», которые считаются воплощением платонической любви или «компромиссом со счастьем», со сталинской утопией. Их тоже можно истолковать сугубо по Фрейдю или по Юнгу, считая доминантой этих произведений сексуальные конфликты между героями и их комплексами.⁹⁾ В данной работе подойдем к представлению Платонова о женщине с точки зрения гендерской идентичности на фоне культурной атмосферы, начавшей активно воздействовать на психику писателя именно после октябрьской революции. При этом попробуем выяснить причину столь противоречивых интерпретаций авторской позиции о гендере.

В целом, революция изменила устоявшееся представление о женщине и женственности, и, так называемый, марксистский феминизм начал распространяться во всей России. Однако, молодой Платонов считал женщину предметом половой страсти буржуазии и не мог воспринимать ее революционным спутником.¹⁰⁾ Несмотря на то, что многие

6) В этом плане исследователи часто сравнивают Платонова с Федоровым и Соловьевым. См.: С. Семенова(1994), Е. Толстая–Сегал(1981), Е. Яблоков (2001).

7) См., например, В. Агеносов(1989), М. Геллер(1982).

8) См., например, С. Семенова(1994), 73–131

9) Рассказ «Река Потудань», например, можно считать попыткой автора преодолеть боязнь плоти или телесной любви.

коммунисты считали женщину товарищем, ожидая от нее солидарности в осуществлении революции, в послереволюционном периоде, именно в конце 1910-го и начале 1920-го года, отношение Платонова к женщинам было сугубо негативным. Уже в самом начале своей литературной деятельности молодой коммунист провозгласил, что пол есть «душа буржуазии»,¹¹⁾ что именно половая страсть является стремлением преодоления смерти человечества, желанием обрести бессмертие. При этом он не отрицал, что по этой противоречивой схеме может родиться и сам пролетариат. Так, известен тезис Платонова: «Буржуазия произвела пролетариат. Пол родил сознание. Пол – душа буржуазии. Сознание – душа пролетариата».¹²⁾ Как показывает данная метафора, его представление о поле и о женщине как объекте желания было достаточно жестким и враждебным: как он пишет в другой статье воронежского периода, родив пролетариат и сознание, «буржуазия и пол сделали свое дело в жизни – их надо уничтожить». Исходя из этой логики Платонов часто показывает враждебное отношение к полу и к женщинам, как предмету полового желания буржуазии, не только в публицистике, но и в литературных произведениях.

В этом же контексте для Платонова пол – синоним империализма, и женщина является существом, соблазняющим мужчину в мир этого империализма. Из-за таких представлений о женщине, в художественных произведениях автор и герои стесняются говорить прямо о них, о любых отношениях с женщинами. Они часто пользуются разными метафорами о

10) Например, Фуко считал, что именно развитие капитализма и увеличение интересов буржуйского класса, т.е. возможность безопасно завещать свое имущество потомкам вызывало их чрезмерное пристрастие к полу. Платоновское представление об отношении между полом и буржуазией можно истолковать в этом же контексте. M. Foucault(1978), 120–127.

11) А. Платонов(1990б), 637.

12) Там же.

поле и женщинах. В «Чевенгуре» сцена ухода Саши на фронт показывает неоднозначное отношение героев к полу и к женщине: «Они уже обо всем говорили, кроме любви. О ней Захар Павлович сказал стесняющимся голосом предупредительные слова: Ты ведь, Саш, уже взрослый мальчик – сам все знаешь. Главное, не надо этим делом нарочно заниматься – это самая обманчивая вещь: нет ничего, а что-то тебя как будто куда-то тянет, чего-то хочется. У всякого человека в нижнем месте целый империализм сидит. Александр не мог почувствовать империализма в своем теле, хотя нарочно возразил себя голым».¹³⁾ Захар Павлович непосредственно сказал сыну, что пол – это пустое дело и обманчивая вещь, повторяя любимые Платоновым метафоры о поле и женщине: пол есть «империализм», который «сидит в нижнем месте человека» и «душа буржуазии». В этих метафорах женщина – опасное существо, которое вовлекает мужчину в мир империализма. Поэтому, например, в романе Чепурный боялся привести женщин в осуществленный мир коммунизма, предчувствуя опасность в них. Он предупреждал Прокофия: «Веди Прощ, не по желанию, а по *социальному признаку*. Если баба будет товарищем – зови ее, пожалуйста, а если обратно, то гони прочь в степь!» (Платонов 1991, 261)

При этом Платонов не отрицал женщину-мать, которая рождает «будущего человека» для коммунизма. Парадоксальным результатом очищения женственности стало его противоречивое и амбивалентное отношение к женщине. Суть платоновской метафоры о гендере кроется в том, что двум главным качествам, определяющим женственность – сексуальности и материнству, трудно сосуществовать одновременно в одном теле. Об этом можно прочитать и в другой статье того же

13) А. Платонов(1991), 77. Далее все ссылки на текст «Чевенгура» даются по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

времени. В статье «Душа мира» он пытается выяснять сущность женщины и понятия женственности. «Женщина – тогда женщина, когда в ней живет вся совесть темного мира, его надежда стать совершенным, его смертная тоска».¹⁴⁾ Он думал, что искупить «грех и преступность» темного мира можно женщине только рождением ребенка, поэтому для Платонова женщина имела значение тогда, когда она была матерью ребенка, потому что ребенок – «владыка мира» и «владыка человечества». Исходя из такой логики, женщина представляет собой «живое действенное воплощение сознания миром своего греха и преступности».¹⁵⁾

В повести «Котлован» есть интересный пример, подтверждающий авторское представление о женщине. Юля, сама из буржуазной семьи, надеясь выжить в новом мире социализма, по выражению ее дочки Насти, «женилась на Мартынче, потому что он был пролетарский».¹⁶⁾ Перед смертью Юля говорит Насте: «Когда будешь уходить от меня, не говори, что я мертвая здесь осталась. Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят»(Платонов 1995, 206). Здесь мать воспринимается как скрытое и отрицаемое своим ребенком существо. Хотя Юля является «остатком буржуа», в повести ее дочка Настя представляет собой живой символ будущего социализма, для которого рабочие роют котлован. Однако, родив детей, женщина становится ненужным существом, и уже ничего не может оправдать ее существование, она должна умирать. Среди двух важных свойств, определяющих женский гендер – сексуальность и материнство – лишь

14) А. Платонов(1990а), 640–641.

15) Там же, 639–640.

16) А. Платонов(1995), 210. Далее все ссылки на текст «Котлована» даются по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

материнство признается в Платоновым в мире того времени. После выполнения этой роли женщине трудно найти места в утопии коммунизма.

Необходимость физической и символической смерти женщины как матери прослеживается в романе «Чевенгур». В «Чевегуре» почти у всех героев нет матери как в биологическом, так и в социальном смысле. Например, у героя Саши три отца – родной отец, который утонул в озеро Мутево, и приемный отец – Прохор Абрамович, который дает герою свою фамилию, и, наконец, Захар Павлович, ставший для Саши настоящим отцом, но при этом у него нет ни одной матери. В отличие от обращения к приемному отцу, не только Саша, но и автор никогда не обращается к жене Прохора Абрамовича как к матери. Упомянуто о матери героя только на похоронах родного отца, у которого «на одном пальце было надето оловянное обручальное кольцо в честь забытой матери» (Платонов 1991, 25). В романе у других персонажей (как и матери Саши) образ матери часто связывается с забвением или смертью.¹⁷⁾ Так в романе у Чепурного: «хотя я и мать хронил дважды» (Платонов 1991, 278); у Сербинова: «Сегодня утром скончалась его забытая мать» (Платонов 1991, 359). Знаменательно, что платоновские герои сталкиваются с мертвой матерью или смертью матери именно тогда, когда у них появляется возможность общения с другой женщиной. Вспомним, что Дванов представлял Феклу Степановну, с которой у него были первые сексуальные отношения «сестрой скончавшейся матери». Другому герою – Копенкину в первый раз приснилась скончавшаяся мать именно перед женитьбой. В другой раз во сне мать обвиняет Копенкина

17) Об этом интересное замечание Гурвича: "Герои Платонова не знают матери, не имеют ее, они сохранили ее в своей памяти лишь как мечту", "трудно встретить у Платонова героя, который не видел бы свою умирающую мать во сне." А. Гурвич (1994), 358.

в том, что он забыл ее, предпочтя Розу Люксембург. А Сербинов после смерти матери «пришел к Софье Александровне, чтобы побыть с женщиной – мать его тоже была женщиной»(Платонов 1991, 360). И он хочет иметь с ней сексуальный контакт именно на могиле матери.

Таким образом, в романе часто прослеживается мотив инцеста, из-за чувства вины за запретные отношения с родным человеком, мать со своим ребенком не должна существовать вместе в этом мире, и должна искупить смертью «грех и преступность». Поэтому мать платоновских героев покидает этот мир сразу после рождения ребенка, оставляя их сиротой. Таким образом символическая оппозиция мать-жена и мать-женщина имеет определенное семантическое значение в системе персонажей у Платонова, подчеркивая сходство и противоположность этих двух образов.

2.2. Товарищи и «прочие»

Из-за амбивалентных отношений автора и героя к женщине, само количество женских персонажей в творчестве 20-х годов минимально, героями часто выступают только одни мужчины.¹⁸⁾ В этом же контексте, можно сказать, что «Чевенгур» был романом для мужчины и мужского товарищества. В Чевенгуре живут 12 товарищей-мужчин, и среди них только одна женщина – Клавдюша, являющаяся почти как «общей женой» этих товарищей-пролетариев.¹⁹⁾ Эти товарищи не имеют ни

18) Конечно, существуют произведения, в которых женщина является главным «героем». Но в таком случае гендер этой женщины не подчеркивается, ее можно заменить мужчиной. Например, в рассказе «Песчаная учительница» автор сосредоточился на характере деятельности этого человека, а не ее гендерской особенности.

19) Недаром 12 товарищей ассоциируется с 12 апостолами Христа. А единственная женщина – Клавдюша играет роль Иуды в этой общине. Об этом подробно,

матери, ни семьи. Герои, не имевшие контактов с женским полом, боязливо и трепетно относятся к женщине.

В утопии мужского равенства, пока мужчины не найдут себе отца-вождя и свое место, женщинам никогда не стать полноправными членами общества. Женщины не могут быть в роли любимой жены или даже любовницы, т. к. здесь мужчина часто «дружбой» заменяет любовь, в «Чевенгуре» или «Котловане» неоднократно встречаются выражения об этой специфичной, немного опасной дружбе между мужчинами: «когда живешь в дружбе неотлучном присутствии товарищей»; «с жадностью своей дружбы»; «осторожно прикоснулся к нему и заплакал от волнения и стыда своей беззащитной дружбы». Как показывают вышеуказанные выражения дружба между мужчинами находится где-то на грани любви, и даже включает элементы эротики. Такие опасные и трепетные отношения между мужчинами, происходят от «лишней любви» к товарищам и от боязни скорой неожиданной потери их. Так в романе: «Товарищи – люди хорошие, только они дураки и долго не живут. Где же теперь тебе товарищ найдется? Самый хороший – убит в могилу»(Платонов 1991, 247). В таком же контексте отношения между Копенкиным и Двановым становятся хорошим примером. Уважая и любя Розу Люксембург как символ революции, Копенкин не сумел полюбить женщину, он заменил эту любовь дружбой с Двановым, однако сначала Копенкин хочет, чтобы Дванов тоже полюбил Розу: «Он тратил свою скорбь на усердие труда, он незаметно хотел привлечь Дванова к красоте Розы Люксембург и сделать для него счастье, раз совестно сразу обнять и полюбить Дванова»(Платонов 1991, 339). Копенкин боялся того, что "его" Роза тоже может быть обычной женщиной, которая имеет любовные отношения с мужчинами. Для Копенкина Роза не была

см. Р. Ходел(2000), 536.

женщиной, к которой можно чувствовать любовь или испытывать сексуальное желание. Он задавал вопрос о любовных отношениях между Либкнехтым и Розой: «А как ты думаешь, спросил Копенкин, – был товарищ Либкнехт для Розы что мужик для женщины, или мне так только думается? – Это тебе так только думается, – успокоил Копенкина чевенгурец. Они же сознательные люди! Им некогда: когда люди думают. – то не любят» (Платонов 1991, 199). Как показывает этот разговор Копенкина с Чепурным, оппозиция «любовь–сознание» господствовала над Чевенгуром, в результате вместо любви к женщине мужчины предпочитают дружбу с товарищами, и Копенкин «за ту молодость, украшенную равнодушием к девушкам, *он некогда с уважением полюбил Александра Дванова, своего спутника по ходу революции*»(Платонов 1991, 220 – курсив наш).

В конце романа «Чевенгур» осуществленная утопия мужского равенства рухнула по разным причинам. Как ни парадоксально, автор видит первую причину чевенгурской гибели – не в отсутствии матери, а в отсутствии «настоящего» отца. «Чевенгур», показывающий трагедию осуществленной утопии, является романом о безотцовщине, за которой лежит секрет разрушения утопии и трагической гибели героев – дело не в сиротстве и отсутствии матери, а именно в безотцовщине. Для примера можно напомнить об интересном образе «прочих». Прочие – это платоновская метафора о беспризорниках, приведенных Прошкой в качестве новых жителей в Чевенгур. Описывая процесс появления этого типа людей, автор считает, что причина их трагической судьбы в отсутствии родного отца: «Но, подрастая, ребенок ожидает отца, он уже до конца насыщается природными силами и чувствами матери – все равно, будь он покинут сразу после выхода из ее утробы, – ребенок обращается любопытным лицом к миру, он хочет променять природу на людей, и

его первым другом товарищем, после неотвязной теплоты матери, после стеснения жизни ее ласковыми руками, – является отец» (Платонов 1991, 282–283). Однако, «прочие», ставшие мальчиками, не смогли найти своего отца, и отец «не встретил его на дороге, уже рожденного и живущего» (Платонов 1991, 283). Поэтому и сам отец мог превращаться «во врага», т. к. он никогда не видел своего сына, даже не знал об его существовании. Здесь Платонов видит роль отца в том, чтобы только отец может стать посредником между своим ребенком и этим миром, и только он «вывел бы их за руку к людям, чтобы после своей смерти оставить людей детям в наследство – для замены себя» (Платонов 1991, 283). Вот почему в обществе «прочие» были ненужными, они потеряли связь с настоящим миром из-за отсутствия проводника-отца.²⁰⁾ Таким образом, именно отсутствие отца, невыполнение роли проводника отцом к миру порождают трагичность в жизни прочих. Что касается матери, автор пишет, то и после рождения прочие «уже до конца насыщаются природными силами и чувствами матери». Несмотря на то, что мать тоже покинула ребенка, она уже его рождением выполнила свою роль, поэтому не только автору, но и героям не по силу ненавидеть и упрекать уже умершую и забытую мать.

Как и безотцовщина, так и женственность считается страшной разрушительной силой утопии мужского равенства. «Утопии», построенной в Чевенгуре (в буквальном смысле этого слова), трудно было перевернуться в реальность, и поэтому в конце романа это условное пространство равенства рухнуло само собой. В романе причиной этого распада был штурм неизвестного отряда, но его истинная причина скрыта за этим штурмом. Симптом распада утопии начал

20) В этом, например, Толстая–Сегал видит влияние Фрейда и Федорова. По ее мнению, Эдиповым комплексом ребенок мстит отцу за его отсутствие. Е. Толстая–Сегал(1981), 259.

ощущаться уже тогда, когда появились в Чевенгуре женщины-жены, приведенные Прошкой. С появлением женщин солидарность мужской утопии начала сразу разрушаться. Например, верный чевенгуровский боец Кирей, теперь только для собственной жены начал трудиться, ему уже коммунизм не стал таким дорогим, как прежде: «А чего мне коммунизм? У меня Груша теперь товарищ. Я ей не поспеваю работать, у меня теперь такой расход жизни, что пищу не поспеваешь добывать...»(Платонов 1991, 389).

Как упомянуто выше, чевенгурский вождь Чепурный с самого начала предчувствовал опасность в женщине, думая, что «любовь к женщине и размножение от нее» – это дело чужое и природное, а не «людское и коммунистическое». Поэтому он отвергал женственность и женскую красоту, считая их такими же как имущество, которое может вызвать неравенство среди товарищей. Поэтому он просил, чтобы Прокофий привел женщин «не по желанию, а по социальному признаку» (Платонов 1991, 261). Чепурный предполагает, что для сознательной «людской чевенгурской жизни» женщина «приемлема в более сухом и человеческом виде, а не в полной красоте, которая не составляет части коммунизма, потому что красота женской природы была и при капитализме». Еще следует подчеркнуть, что именно Прокофий, который сам привел женщин в Чевенгур и находился в постоянной сексуальной связи с Клавдией, предчувствовал трагический конец из-за женщин и выступал против них: «...женщины же, прибыв в Чевенгур, заведут многодворье вместо одного Чевенгура»(Платонов 1991, 322–323). В самом деле в лице Прокофия и Клавдии появляется новый имущий класс, новое начало капитализма. Подобным же образом в Чевенгуре женщина воспринимается и как Ева-соблазнительница, вызвавшая изгнание коммунизма из Эдемского Сада.

Такая боязнь женщин создала странный платоновский мир, где трудно выжить и существовать женщинам. Этим автор и показывает атмосферу своего времени: «неравенство» в составе персонажей показывает не только авторскую личную позицию, направленную против женщин, но и культурную атмосферу того времени: так же как и в романе, и в реальности, когда рушится иллюзия утопического равенства или товарищества, естественно возникает потребность «в высшем авторитете», возможностью которого воспользовался известно кто. Таким образом в «Чевенгуре» и «Котловане» в темах сиротства и безотцовщины отражается «сокровенное» желание – потребность эпохи в высшем авторитете. Другими словами, должен появиться патриархальный режим иного типа, и предчувствие скорого появления этого режима и необходимой гибели идеологии заставляет автора воспроизвести атмосферу того времени.

2.3. Любовь к Розе и быть «Розой»

Знаменательно, что в произведениях Платонова 20-х годов женщины показываются либо как мертвые матери, либо как остаток прошлой эпохи, либо как объект желания, или (в самом лучшем случае) в лице девочки, которая долго не может выжить в этом мире мужской «утопии». Специфическое представление о гендере у Платонова вызывало своего рода фобию о женщине: платоновские мужчины могут любить женщину только тогда, когда она находится далеко от них.²¹⁾ Так, Саша, который не мог обнять свою первую любовь Соню, теряет невинность с пожилой женщиной Феклой Степановой. Его контакт с Соней ограничивается лишь поцелуем в щеку и лоб, ощущая «запах увядшей

21) Об этом говорит и Шепард, См. например, Ж. Шепард(1994), 255-260.

травы)²²⁾ ее волос, потом Саша этот запах узнает у одной случайно встреченной пожилой женщины Феклы. И он, не колеблясь, проводит с ней ночь: «Фекла Степановна разделась при Дванове, зная, что она никому не нужна. <...> Дванов знал, что не будь этого человека в хате, он бы сразу убежал отсюда вновь к Соне либо искать поскорее социализм вдалеке. Фекла Степановна защитила Дванова тем, то приучила его к своей простоте женщины, точно она была сестрой скончавшейся матери Дванова, которой он не помнил и не мог любить» (Платонов 1991, 111, курсив наш).

Конечно, кроме мотива инцеста, здесь прослеживается еще и другой момент. Если Соня символизирует собой образ новой женщины социализма, появившейся после революции, то Фекла представляет собой женщину прошлого мира, у которой осталась «простота» женственности как объекта желания.²³⁾ Как мы видим, при осуществленном социализме, более подходящая или нужная Саше женщина – не Фекла Степанова, а Соня. Саша, четко осознавая этот факт, не может обнять Соною как идеал, точно также как и Копенкин не может представить Розу Люксембург обычной женщиной, поэтому Саша предпочитает обнять призрак старого представления о женственности, связанной со «скончавшейся матерью». Таким образом, у Платонова гендерская идентичность женщины выражена или в материнстве, или в

22) Этот «запах увядшей травы» у Платонова ассоциируется с сексуальностью женщины, например, Саша ощущает потом этот запах у Феклы Степановой. И это выражение точно повторяется в «Возвращение»(1946) на сцене разлуки Ивана и Маши.

23) Можно истолковать этот эпизод с фрейдовской точки зрения, т. е. эдипов комплекс, за которым скрывается желание инцеста. В этом контексте в образе Феклы сосуществуют начало матери и женщины, в ней странным образом сочетаются материнство и сексуальность.

сексуальности, и пока не ярко выявлена в новом представлении о женском идеале социализма.

Однако, отношение к женщинам Копенкина отличается от Саши и других персонажей. С самого начала для него женщины – не товарищи, а угнетенные существа, которое он должен защищать. Пример из романа: «Хотя он уже на пороге увидел женщину и сразу почувствовал влечение к ней – не ради обладания, а для защиты угнетенной женской слабости». Такое отношение у Копенкина не только к живой женщине, но и к умершей Розе Люксембург. Копенкин, как рыцарь революции, продолжает паломничество к могиле Розы Люксембург, являющейся для него символом и идеалом революции. В вышеуказанной сцене, увидев Соню, Копенкин чувствует к ней симпатию, однако ему важнее умершая, и далекая Роза, чем живая, и близкая Соня: «Иногда он поглядывал на Соню и еще больше любил Розу Люксембург: у обеих была чернота волос и жалостность в теле это Копенкин видел, и его любовь шла дальше по дороге воспоминаний» (Платонов 1991, 111). «Чувства о Розе Люксембург так взволновали Копенкина, что он опечалился глазами, полными скорбных слез. Он неугомонно шагал и грозил буржуазии, бандитам, Англии и Германии за убийство своей невесты» (Платонов 1991, 111). В сознании Копенкина Роза Люксембург воспринимается никак великий коммунист, а как символ самопожертвования. Сентиментальное воображение Копенкина о Розе явно показывает представление о коммунистическом феминизме того времени. Хорошо известно, что в России любили и уважали таких деятельных женщин-коммунистов как Роза Люксембург и Клара Цеткин, при этом люди интересовались не просто их способностями как революционных деятелей, а драматизмом событий их жизни как женщины.²⁴⁾

24) Популярность Розы Люксембург и Клары Цеткин в России замечают многие исследователи. См. Например, М. Геллер(1982), 194; М. Золотонос (1994),

Этот конфликтное и противоречивое представление о гендере символично выражается в последнем сне Копенкина: там оппозиционная система «мать – жена» превратилась в систему «мать – революционный идеал». Мать Копенкина ругает сына за то, что он опять себе нашел «шлюшку». Она называет Розу Люксембург «шлюшкой», из-за которой сын готов бросить мать. Однако, для Копенкина – мать как прошлое и Роза как будущее одновременно и одинаково в его жизни дорогие существа. Об этом в тексте пишется следующим образом: «Копенкин любил мать и Розу одинаково, потому что мать и Роза было одно и то же первое существо для него, как прошлое и будущее живут в одной его жизни. Он не понимал, как это есть, но чувствовал, что Роза – продолжение его детства и матери, а не обида старушки» (Платонов 1991, 170). Однако Копенкин не мог смириться с матерью и «зашелся сердцем, что мать ругает Розу»(Платонов 1991, 171) На обиду матери Копенкин только и мог сказать, что «Роза тоже умерла, как и ты», желая этим утешать ее. Здесь, «смерть» Розы является метафорой автора о дальнейшей судьбе революционного идеала, о коммунизме и о новой женщине. Это не просто обозначает ее физическую смерть, она, как продолжение его прошлого, детства и матери, должна стать будущим существом. Физическая смерть Розы и упоминание Копенкина об утверждении этой смерти показывает непростую судьбу как будущей женщины, так, в целом, и идеологии в России.

Подобным же образом, в повести «Котлован» – символом будущего социализма является девочка Настя, которая в конце повести неожиданно погибает. Здесь видно, что два символа коммунизма – либо убитая, либо умирающая женщина. Так как платоновские герои любят далекую и

мертвую женщину, то в творчестве Платонова женщине часто приходилось быть "Розой," т. е. мертвым идеалом идеологии.

Таким образом, в 20-е годы у Платонова представление о гендере и о роли женщины было определено "усомнившимся,"²⁵⁾ поэтому в его творчестве женщинам трудно было существовать как полноценным живым людям, имеющим свою биографию. Проблема эроса и пола, связанная с традиционным гендерским понятием, скрывается за разными метафорами сексуальности и женственности. Его герои постоянно искали счастье в земном раю, и в процессе этого поиска ни одна женщина не смогла найти свое место.

3. Счастливая женщина, счастливая «Москва»

В сцене разлуки с Соней Саша говорит: «Мы с тобой увидимся теперь после революции»(Платонов 1991, 95). Герой отложил встречу с любимой девушкой до осуществления революционного идеала и окончания всего процесса построения социализма. Однако, они не могли встретиться уже и после революции. В процессе революции, как уже было упомянуто, мужчины-коммунисты не воспринимали женщину ни как товарища, ни как любимую жену. В связи с этим возникает вопрос: какие изменения в отношении к женщине произошли «после революции»?

В действительности, после «Великого перелома» в начале 30-х годов началась новая эпоха, в основе которой лежало мифологическое представление о коммунизме. В этот период понятие гендера тоже вошло в новую фазу. Для великого социалистического общества нужна мать молодая, радостная и «счастливая», которая могла бы рожать много

25) Выражение "усомнившийся" – цитата из рассказа Платонова «Усомнившийся Макар».

детей, которые в будущем могли бы стать «*homo sovieticus*»-стахановцами.²⁶⁾

В творчестве Платонова 30-х годов можно обнаружить измененное представление о гендере и самой культурной атмосфере того времени: женщина, играя полноценную и главную роль в ходе развития сюжета, начала активно искать смысл жизни и способы существования при коммунизме. Например, незаконченный Платоновым роман «Счастливая Москва», является знаменательной метафорой о женщине нового поколения, об ее роли в обществе, об ее любви. Недаром героиню зовут Москва, так же как новую столицу Советского Союза. Через эту аллегорическую идентификацию героини с городом Платонов показывает «рождение материнского архетипа в советской культуре»²⁷⁾ и пишет об его мифологеме. По семейной этике социализма того времени – женщина, ее красота и сексуальность должны служить социальной пользе и семье. Несмотря на то, что Москва Честнова представляет собой новый тип социалистической женщины и хорошо выполняет гендерскую роль того времени, как женщина-мать она не очень подходит к материнскому архетипу. Например, для Москвы любовь является необходимостью как еда или вода, похожей на представление о «трех стаканах» у Колонтай. Только Москва отличается от Колонтай тем, что она считает любовь «тратой жизненной энергии и утомлением», не воспринимает ее как радость: «Оттого, что любовью соединиться нельзя, а столько раз соединялась», «Любовь – это не коммунизм». Роман не был закончен, и причина этого, по мнению Гюнтера, в «непреодолимом разрыве между жизненным путем героини и господствующим мифом» того времени.²⁸⁾

26) В этом же контексте можно интерпретировать звание «мать-героиня». Именно с 1935 года, когда началось стахановское движение, и спустя примерно 10 лет появилась первая мать-героиня.

27) Гюнтер(1999), 172.

Со временем в творчестве Платонова такой разрыв преодолевается, по крайней мере, платоновские герои стараются их преодолеть. Такие рассказы Платонова, как: «Джан», «Река Потудань», «Фро», «Афродита» показывают изменения в отношении к женщине и женственности: в центре этих произведений находится проблема любви, пола и эроса в прямом смысле. Здесь женщина не является чужой в своей жизни, она активно действует, и мужчины тоже больше не боятся быть с женщинами. В повести «Джан» Чагатаев, в отличие от прежних героев, которые «от женщин бегут», уже «весь в окружении женщин», он «в телесных касаниях, ласке – тянется к контакту с другой таинственной и прекрасной плотью драгоценного человека».²⁹⁾ В рассказе «Река Потудань» автор показывает попытку преодоления отчуждения героя и героини друг от друга, процесс преодоления разрыва между телесным и духовным, действительностью и идеалом.

Известное выражение И. Бродского, о том, что «Платонов подчинил себя языку эпохи», – справедливо не только в плане языка прямого смысла, но и в плане культурного языка данной эпохи: он пытался подчинить себя сфере культуры и политики сталинской власти. Как известно, культурная атмосфера 30-х годов резко отличается от 20-х. По выражению М. Голубкова, можно назвать 20-е годы эпохой «диалогов и альтернатив», 30-е – «монологов».³⁰⁾ В 30-х годах в своих произведениях Платонов показывает процесс подчинения эпохи монизму, где гендерское представление совпадает с этим эпохальным монизмом. И трудно назвать этот процесс автора просто «компромиссом со счастьем»³¹⁾ или «утопией» т. к. Платонов идет на этот компромисс тоже

28) Гюнтер(1999), 175.

29) Семенова(1994), 113.

30) Голуков(1992), 13-72.

31) Выражение Семеновой. Семенова(1994), 113.

«нарочно», сознательно. Писатель пытается обнаруживать взаимно исключающие отношения между властью и женским гендером. Надо подчеркнуть, что именно за желанием платоновских женщин, ищущих себе счастье в этом мире, скрывается измененное властью гендерское представление того времени: что материнство и сексуальность могут быть счастливыми, и должным образом могут сочетаться в женщине. Мужчина больше не хочет, чтобы она была «Розой», теперь, она спокойно может стать женой-матерью, необходимой именно сталинской утопии.

Литература

- Агеносов В.(1989) Советский философский роман, М.
- Бродский И.(1994) "Предисловие к повести «Котлован»,» Андрей Платонов. Мир творчества, М.; Современный писатель.
- Геллер М.(1982) Андрей Платонов в поисках счастья. Paris.
- Голуков М.(1992) Утраченные альтернативы, М.; Наследие.
- Гурвич А.(1994) «Андрей Платонов», Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии., М.; Современный писатель.
- Гюнтер Х.(1999) "«Счастливая Москва» и Архетип матери в советской культуре 30-х годов", Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества, М.; Наследие.
- Колонтай А.(2008) Большая любовь, повести и рассказы, М.; Азбука-классика.
- Осипович Т. "«Новая женщина» в беллетристике Александры Колонтай." http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_2_1994_b.htm
- Платонов А.(1990а) Душа мира, Государственный житель. М.; Мастацкая литература.
- _____ (1990б) Но одна душа у человека, Государственный житель. М.; Мастацкая литература.
- _____ (1991) Чевенгур. М.; Высшая школа.
- _____ (1995) Котлован. Взыскание погибших. М.; Школа пресс.
- _____ (2010) Счастливая Москва. М.; Эксмо.
- Семенова С.(1994) "«Тайное тайных» Андрея Платонова: эрос и пол,» Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 1. М.; Наследие.
- Толстая–Сегал Е.(1981) "Идеологические контексты Платонова," *Russian Literature*, Amsterdam.
- Ходел Р.(2000) "Чевенгур и Роза Люксембург," Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 4, М.; Наследие.
- Шепард Ж.(1994) "Любовь к дальнему и любовь к ближнему в

творчестве А. Платонова”, Страна Philosophов Андрея Платонова: проблемы творчества, Вып. 1, М.; Наследие.

Яблоков Е.(1994) О типологии персонажей А. Платонова, Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 1, М.; Наследие.

_____ (2001) На берегу Неба. СПб.; Petropolis.

Энгельс Ф. "Происхождение семьи, частной собственности и государства," Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Т. 21, Текст из сайта: <http://www.marksizm.ru/site/Classic/family.htm>

Butler, J.(1999) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*, Routledge.

Felski, R.(1995) *The Gender of Modernity*, Harvard Univ. Press.

Foucault, M.(1978) *The History of Sexuality, Vol. 1: An Introduction*. Translated by R. Hurley, New York, Pantheon books.

Naiman, E.(1988) Andrei Platonov and the Inadmissibility of Desire, *Russian Literature*, Vol. 23, No. 4, Amsterdam.

Abstract

Platonov and Gender:
An Analysis of the Metaphors of
Feminity and Sexuality

Yoon, Young-Sun

The works of Platonov in the 1920s reveal an ambivalent and contradictory representation of women and sex; while women in his works are depicted as enemies of revolution, mere instruments for giving birth, or objects of desire, they are simultaneously idealized beings, symbols of future and socialism at the same time (see, for example, the essay "Spirit of the World," the editorial "The Proletariat & Sex," and so forth). This dualism as a particular system of thinking carries over into Platonov's literary works. As a result, issues of gender (feminity and sexuality) are extremely distorted in his prose. Including the novels *Chevengur* and *Kotlovan*, in Platonov's major works heroines are expressed but not embodied; they tend to be either already dead or otherwise lacking consciousness: consider the mother of Nastya in *Kotlovan*, the mother of Sasha and Rosa Luxemburg in *Chevengur*.

However, in the 1930s-40s, his position subtly shifted. In the short stories "Fro," "Potudan River" and "Return," his heroines are embodied and animated, and issues of sex and feminity are not obscured, but sensitively exposed. This paper takes as its theme the particularities of this ambivalent relationship to gender in Platonov's early and later works. In particular, this paper attempts to reveal how metaphors of feminity and sexuality in Platonov's works disclose a male bias concerning communism and Stalinism, and the process of their conquest.

논문심사일정

논문투고일:	2010. 10. 20
논문심사일:	2010. 11. 1 ~ 2010. 11. 15
심사완료일:	2010. 11. 20